

Чу Дамэй скакала до этого со всем возможным воодушевлением, но теперь вела себя тише воды. Весь этот вечер её настроение металось из стороны в сторону, став самым запутанным и щекотливым.

С одной стороны, ей совсем не хотелось видеть, как отец с матерью едва не умирают от гнева из-за Чу Няня — особенно когда тот заговорил о разрыве родственных связей, ей так и хотелось выйти вперед и настоять на том, чтобы его просто забили палками до смерти.

С другой стороны, она боялась, что если Чу Няня и вправду забьют до смерти, ей не перед кем будет держать ответ в семье Чжан.

Ведь люди из семьи Чжан выдали ей целых десять лямов серебра, причем два ляма из них она присвоила себе в качестве комиссионных. Как ни крути, а она была свахой, не могла же она в самом деле трудиться даром!

Если вдруг Чу Нянь умрет и выдать будет некого, ей неизбежно придется возвращать семье Чжан те десять лямов.

Но вот беда: большая часть тех двух лямов, что оставались у неё на руках, уже была потрачена, а те восемь лямов, что она отдала родной матери, ушли на лекарства, покупку хорошего вина и знатной еды, так что тоже изрядно поиздержались.

Удастся ли собрать всю сумму целиком — это еще полбеды, а вот если в процессе вскрыется, что она получила откат, то как ей потом вообще показываться на глаза в родительском доме?

Помаявших в сомнениях добрую половину дня, она в конце концов решила больше не открывать рот: разрыв так разрыв, деньги возвращать не нужно, а замужество остается в силе, так что, похоже, никаких дурных последствий для неё не будет.

Ну а то, что Чу Нянь больше не числится в клане Чу, так какое до этого дело ей, выданной замуж дочери? Окажется в семье Чжан без поддержки родни, станет терпеть побои — так и поделом ему, еще успеет наплакаться.

Увидев, что главные действующие лица уже скрылись из виду, а на столе не осталось ничего вкусного, она тоже поднялась со своего места, подошла прямоком к родной матери и помогла ей подняться:

— Пойдемте, матушка, этот пир всё равно не стоит того, чтобы за ним сидеть. Я провожу вас отдохнуть!

Всю приличную еду Чу Нянь прикончил до последней крошки, так что о каком вообще пире могла идти речь? Окинув взглядом усеянный объедками стол, госпожа Чу так за сердце схватилась, что едва не начала бить себя по бедрам:

— Ох, у-у-у, какой же тут кавардак!

И тут же случайно бросила взгляд на пол, где её сердце пронзили осколки:

— Убийцы вы проклятые, разорители! Моя большая суповая чаша!

Ну и убытки же она сегодня понесла!

Заметив это, Чу Дамэй принялась ее утешать ласковым голосом:

— Ой, матушка! Разбить посуду — к счастью, я потом куплю вам новую, разве ж это дело!

Эх! Те два ляма серебра, что она с таким трудом заработала, в итоге почти полностью растаяли.

Услышав, что дочь берется всё уладить, госпожа Чу почувствовала себя чуточку лучше. Она выпрямилась, ухватила дочь за руку и направилась к выходу:

— Эх! Всё-таки моя Дамэй самая заботливая. Пошли, поспишь сегодня со мной, а завтра поутру я сама провожу тебя за ворота.

— Хорошо, как скажете.

Пир завершился в худшем из настроений.

Чу Нянь вернулся в свою комнату и, обрабатывая раны, принялся обдумывать дальнейшие шаги.

Разрыв родственных связей стал свершившимся фактом, и этот вечер был обречен стать последней ночевки в доме клана Чу. Раз уж он не собирался покорно отправляться в замужество в деревушку семьи Чжан, то куда ему податься, чтобы начать жизнь заново?

В памяти прежнего владельца тела не осталось почти никаких воспоминаний о деревушке семьи Чжан — он знал лишь то, что Чу Дамэй устроила это сватовство через родню мужа.

Судя по всему, располагалась она не так уж далеко от дома Чу Дамэй.

А деревня Дунпин, куда выдали замуж Чу Дамэй, относилась к другому уезду, до которого от их уездного города Пинъань было добрых тридцать-сорок ли пути. Если прибавить к этому еще восемнадцать ли до деревни Линцюань, то впору было признать: замуж её выдали и впрямь далеко.

Этот мир очень напоминал древность из его прежней жизни: такой же отсталый и первобытный, где главным средством передвижения служили воловьи или конские повозки.

На повозках же ездили в основном лишь чиновники высокого ранга да богатые семьи, способные позволить себе подобную роскошь. Простые же люди, вроде них, передвигались почти исключительно пешком, а если скапливался тяжелый скарб, то нагружали одноколесную тачку и пускались в путь.

Волы, использовавшиеся в деревне для вспашки полей, тоже годились для того, чтобы запрягать их в телеги и перевозить людей, но такие животные водились далеко не в каждом хозяйстве.

Обзавестись собственным пахотным волом клан Чу смог лишь года два-три назад. Во время весенней страды тот трудился в полях до седьмого пота, и лишь в часы затишья между полевыми работами его выводили в упряжке, чтобы доставлять грузы и зарабатывать для семьи лишнюю мелочь на карманные расходы.

Сейчас весенняя пахота уже подошла к концу, так что завтра воловью повозку наверняка задействуют, чтобы отвезти его и Чу Дамэй в деревушку семьи Чжан. Вот только сколько же времени уйдет на то, чтобы протащить пятьдесят-шестьдесят ли на воловьей телеге!

Прежний хозяин тела с самого детства жил в деревне Линцюань, и самым дальним местом, где ему довелось побывать, был уездный город Пинъань. По дороге туда из деревни попадались всего два селения, а вокруг расстилались либо крестьянские наделы, либо дикие горы да дремучие леса.

В уезд к Сун Шиюаню он бегал тайком, в одиночку шагая по ухабистой грунтовой дороге добрых три часа, да так, что на подошвах до сих пор не сошли водянистые мозоли.

И если уж тот отрезок пути давался с таким трудом, то что и говорить про всю оставшуюся дорогу.

Раз уж Чу Нянь твердо решил не ехать в семью Чжан, ему обязательно нужно было придумать способ сбежать прямо посреди пути. Отрезок от деревни Линцюань до уездного города пролегал слишком близко к дому, там легко было столкнуться со знакомыми, так что затевать что-либо там было неудобно.

Следовательно, лучшим моментом для побега станет тотчас после выезда из уездного города Пинъань — тогда и стоит подыскать подходящий момент, чтобы сойти с телеги и скрыться по дороге в деревушку семьи Чжан.

Только вот где именно?

Вот будь у него карта — другое дело!

При этой мысли в голове у него внезапно мелькнула догадка: у сводного брата прежнего хозяина тела, Чу Цинхэ, кажется, имелась дорожная карта Фучжоу и окрестностей. На ней были отмечены все уездные города и селения — если бы раздобыть её и носить с собой, то в дальнейшем можно было не бояться потерять направление и пропасть.

Чу Цинхэ был сыном того самого гэра, которого родной отец прежнего хозяина тела взял в наложники позже. Он был старше его меньше чем на два года, уже успел обручиться и теперь ждал лишь завершения отделки нового дома, чтобы сыграть свадьбу сразу после осеннего сбора урожая.

И как справедливо заметил Чу Нянь, из Чу Цинхэ книгочей был никакой. Голова у него работала туго, памятью он не блистал, и на усвоение любого предмета у него уходило слишком много времени, именно поэтому он и позволял сводному брату тайком пользоваться своими учебниками.

Зато парень куда больше интересовался управлением воловьей повозкой, и когда у отца не хватало времени править самому, Чу Цинхэ охотно подменял его.

Теперь же, накануне женитьбы, надеяться на успехи в учебе уже не стоило, и карта в его руках все равно бы пропала зря.

Заметив, как глубоко зашла ночь, парень решил не терять времени даром. Смазав раны и наложив простую повязку, он вышел из комнаты и направился к западному флигелю.

То ли в отместку за недавние колкости в его адрес, но в комнате Чу Цинхэ все еще горела керосиновая лампа, однако на окне отчетливо проступали силуэты двух человек.

Не успел он подойти ближе, как изнутри донеслось раздраженное ворчание, полное досады:

— А ну-ка проверь, не пропало ли чего в твоей комнате! С чего это вдруг Четырнадцатый зачастил сюда воровать бумагу с кистями? Всё ведь за серебро куплено: мало того, что переводить добро на него — чистый убыток, так еще чуть не вышло так, будто это ты ему помогаешь. До чего же рискованно!

Внимательно прислушавшись, Чу Нянь убедился, что голос принадлежит именно Лю Чжэню. Раз тот здесь, ему будет не так-то просто проверить задуманное!

— Ничего не пропало, всего один лист рисовой бумаги, чего там проверять, — небрежно бросил в ответ Чу Цинхэ.

Услышав это, Лю Чжэнь лишь пуще прежнего вышел из себя:

— Ишь ты, легко говорить! Из-за какого-то листка тебя выставили полным ничтожеством, зато ему — сплошной почет. Даже бумагу о разрыве родни научился составлять, гляди-ка, какой шустрый!

Чу Цинхэ, судя по всему, вовсе не горел желанием выслушивать нравоучения своего мачеха и недовольно оборвал его:

— Чего же ты молчал, когда всё происходило? А теперь принялся мне мозг выносить. Отец сегодня ночует в твоей комнате, вот и ступай туда да ложись отдыхать!

— Твой отец? Ха! Ему-то сегодня точно не до сна — родной его гэр заявил, что отрекается от него, тут и от разрыва сердца недалеко. Нет уж, я к нему не пойду, не хватало еще под горячую руку попадаться.

— Тогда я спать хочу.

— Ишь какой! Кроме как жрать да спать, ни на что не годен, никудышный ты человек! Спи, спи, спи давай! Спи себе, а я тут посижу немного, подожду, пока он уснет, тогда и вернусь.

Услышав это, Чу Нянь глубоко вздохнул: судя по всему, раздобыть карту сегодня вечером не удастся — этот Лю Чжэнь и впрямь оказался сущей помехой.

Делать было нечего. Окинув всё вокруг взглядом, он был вынужден вернуться к себе, чтобы обдумать дальнейшие планы.

Однако при мысли о том, что завтра их повезет на рынок их собственная воловья повозка, Чу Нянь с опозданием почувствовал, как у него леденеет сердце: разве на завтрашнем пути к ним не присоединится Чу Дацин в качестве возницы? Под надзором двоих членов клана Чу как ему вообще удастся благополучно ускользнуть?

<http://bllate.org/book/22371/2346374>